

УДК: Э372-3

Л.И. Сосковец

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Анализируется ситуация, в которой оказалась Русская православная церковь в конце 1950-х – начале 1960-х гг., выясняются причины ужесточения государственно-церковных отношений, показаны основные направления, по которым государство вело борьбу с церковью в данный период: закрытие и снятие с регистрации православных храмов, монастырей, финансовое давление на приходы и священнослужителей, ограничение обрядовой деятельности, вмешательство в организационно-управленческую деятельность, расширение антирелигиозной пропаганды...

Ключевые слова: Русская православная церковь, антицерковная политика.

Обозначенное в названии статьи время является частью периода отечественной истории, устойчиво определяемого как «хрущевская оттепель». Хрестоматийно его чертами считаются некоторое ослабление тоталитарной власти, появление отдельных элементов свободы слова, творчества, демократизации общественной жизни, немыслимых ранее. На этом общем фоне либерализации, значение и масштабы которой нельзя преувеличивать, не вполне логично выглядит политика, которая осуществлялась советским государством в указанные годы в отношении религиозных организаций. Она характеризовалась новым резким наступлением на религию, церковь и верующих, значительной активизацией антирелигиозной пропаганды. Размах и глубина этих гонений не могут сравниться с ситуацией 1920–1930-х гг., но наступление на религию и церковь и в это время было весьма ощутимым, сопровождалось уменьшением и без того ограниченного правового пространства, в котором могли действовать религиозные организации в стране. Считается, что наиболее значительный урон понесла Русская православная церковь (РПЦ), хотя и другие конфессии, разрешенные советским государством, в этот период значительно пострадали. На самом деле, потери Русской православной церкви от «хрущевских гонений» выглядели наиболее значительными еще и потому, что за период сталинской политики либерализации в отношении церкви именно РПЦ удалось восстановиться больше других.

В чем же конкретно выразилось ухудшение положения РПЦ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и что явилось причиной этому? В высшем руководстве страны всегда были разногласия в том, как «решить религиозный вопрос» в СССР. Даже в период осуществления сталинского курса на так называемую либерализацию государственно-церковных отношений некоторые партийно-государственные функционеры, особенно регионального и местного уровня, считали, что госу-

дарство чрезвычайно много сделало для религиозно-церковного возрождения. После смерти И. Сталина дискуссия по поводу выбора основных средств и путей «религиозной политики» среди тех, кто за нее отвечал, значительно оживилась. Очевидным отражением неоднозначности таких подходов стал выход в 1954 г. сразу двух постановлений ЦК КПСС по атеистической пропаганде, которые, если и не противоречили друг другу полностью, то по крайней мере содержали смысловые несоответствия [1. С. 69–65; 75–80]. Но тогда перейти к широкомасштабному наступлению на религиозные объединения не удалось, хотя уже с конца 1940-х гг. никакого институционального прироста у официально признанных церквей в СССР и так не было.

Заметная активизация антирелигиозной борьбы началась с 1958 г. Связано это было, на наш взгляд, с несколькими обстоятельствами. Одно из них выглядело несколько парадоксально: антицерковное наступление вполне укладывалось в русло десталинизации, которую продолжал в этот период Н.С. Хрущев, и исходило из его стремления хотя бы частично отказаться от преемственности политики, проводимой И.В. Сталиным. Выбрана в данном случае была его линия на стабилизацию государственно-церковных отношений, осуществлявшаяся им с 1943 г. Почему именно в этом аспекте государственной политики решено было сделать существенную коррективу? Во-первых, потому, что вопрос о положении религии и церкви в стране к середине 1950-х гг. не находился в центре общественного интереса и был не особенно актуальным. Изменение курса в данной части не потрясло бы никаких устоев политической системы и даже у сталинистов не могло вызывать заметного отторжения. Кроме того, можно было говорить о возвращении к ленинскому пониманию, как надо осуществлять политику в отношении церкви и религии, что тогдашнее партийно-государственное руководство охотно делало [2. Л. 34].

Другим, не менее важным, фактором, предопределившим очередное наступление на религиозные объединения, явилась активная подготовка партийных документов, определявших курс на «окончательное» построение коммунистического общества, включавших третью Программу КПСС, материалы к съезду партии, на котором планировалось ее одобрить и принять. До объявления данного курса надо было провести определенную работу по ликвидации хотя бы части тех институтов, которым в коммунистическом обществе в соответствии с догматами марксизма-ленинизма места не было. Полагалось, что с религией и церковью управиться будет легче, чем, скажем, с созданием общества полного изобилия или ликвидацией различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Таким образом, в принятии той или иной стратегии и тактики относительно религии и церкви не было, что называется, ничего личного. Ни Сталин не был более религиозен, когда в разгар войны принял решение о восстановлении церкви, ни Хрущев не был более атеистичен, когда в конце 1950-х гг. дал команду на антицерковное наступление. Каждый из них руководствовался иными соображениями, и их политика в религиозном вопросе была вполне прагматична: первому надо было выиграть войну и сплотить для этого народ, а церковь могла помочь в этом, второму – построить коммунизм, и церковь была препятствием для этого.

Новый антицерковный поход начался с выхода нескольких партийно-государственных документов, которые определяли ряд мер, направленных на ограничение религиозно-церковной жизни в стране. Сначала секретное (т.е. не опубликованное в печати и не ставшее достоянием общественности) постановление секретариата ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 года» обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» [3. Л. 13–15]. Секретариат в своем постановлении критически оценил состояние дел в стране с антирелигиозной работой, нашел ее запущенной, а в некоторых местах и отсутствующей. Одновременно и в противовес этому много акцентировал внимания на активизации религиозных объединений, которые якобы усилили миссионерскую деятельность, стали больше готовить кадров, получать доходов от продажи предметов культа, чаще использовать массовые богослужения, больше заботиться об убранстве церквей. Попутно, дескать,

священнослужители не забывали улучшать свое материальное положение, лицемерно используя при этом патриотические чувства верующих. Особо негативно оценивалась в партийном документе активность так называемых сектантских групп, но, как видно из постановления, чрезмерно окрепнувшая Русская православная церковь тоже вызвала раздражение властей. Поэтому те потребовали от соответствующих государственных органов и учреждений осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин [3].

16 октября 1958 г. Совет Министров СССР принял постановления «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей», а в ноябре 1958 г. постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам» [4]. И названия постановлений, и, главное, их содержание свидетельствовали о том, что начинается новый этап партийно-государственной политики в отношении религиозных организаций и что основной ее целью будет всемерное ослабление РПЦ.

Для этого предусматривалось действовать в четырех основных направлениях: 1) добиться значительного сокращения числа действовавших приходов и монастырей; 2) ослабить материально-финансовую базу церкви; 3) уменьшить количество действовавших духовных учебных заведений и, стало быть, уменьшить численность подготовленных кадров духовенства; 4) усилить вмешательство в административно-управленческую деятельность церкви и тем самым добиться еще большего контроля над ней [5. С. 218–224]. Для реализации поставленных целей на совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ перед ними были поставлены следующие задачи: 1) разобраться в сети церквей и наметить конкретные меры по их сокращению; 2) продумать и осуществить мероприятия по ликвидации «затухающих» приходов и приписных церквей; 3) снять с учета давно не действовавшие церкви и быстрее занять их под культурные цели; 4) запретить обслуживание одним священником двух и более церквей; 5) добиваться недопущения к службе монахов в качестве священнослужителей; 6) принять меры к недопущению приема в монастыри молодых людей; 7) употребить все меры по ослаблению экономической базы церкви; 8) прекратить паломничество к «святым местам». Кроме того, предусматривалось сокращение епархий, уменьшение числа монастырей, духовных учебных заведений и т.д. [6. Л. 31–32]. Таким образом, между выходом в свет упомянутых партийно-государственных постанов-

лений и началом их энергичной реализации не было никакой длительной паузы.

С 1959 г. началось повсеместное и деятельное закрытие церквей и молитвенных домов РПЦ и других официально разрешенных в стране конфессий. С этого времени и без того явно недостаточное количество действовавших церквей стало быстро сокращаться. Для сравнения можно привести следующие цифры. До революции в распоряжении Русской православной церкви имелось 77767 культовых зданий, в 1961 г. их число составляло 13008, а в 1968 г. осталось 7420 [7. Л. 9–10]. Параллельно с закрытием церквей проходила ликвидация монастырей, которых и так по сравнению с дореволюционным периодом было немного. Часть из них была просто закрыта, в лучшем для церкви случае две-три обители сливались в одну при общем сокращении их насельников, а у уцелевших монастырей активно подрывали их экономическую базу: уменьшались площади земель, которые принадлежали монастырям, в сотни раз увеличивался налог на оставшуюся землю, запрещалось нанимать людей для обработки монастырских угодий. От Патриархии потребовали не дотировать монастыри, не принимать в них людей моложе 30 лет. Монахам и монашкам категорически запрещалось разъезжать по стране с целью сбора средств. За период с 1960 по 1968 г. было закрыто 28 монастырей из 40 имевшихся на 1960 г., в том числе и Киево-Печерская лавра, самый первый в истории русской христианской церкви монастырь, просуществовавший почти тысячу лет до этого [8. С. 18].

Сложнее властям было выполнять постановление ЦК КПСС от 28 ноября 1958 г. «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам», но и здесь у них были определенные успехи. На местах стали активно собирать сведения о том, кто из верующих и духовенства посетил или планирует отправиться в Киево-Печерскую лавру, в Оптину пустынь, почитаемые православными местности под Москвой и в других регионах страны. С паломниками начали проводиться интенсивные воспитательные мероприятия, включая санкции, их буквально снимали с поездов и отправляли назад. В известных местах паломничества вдруг начали проводить строительные, восстановительные работы, и зона этих работ закрывалась для посещений. Поскольку, помимо общепризнанных в российском православии «святых мест», во многих местностях были и свои, локальные «святыне» ключи, озера и др., то началась работа по их ликвидации: путем распахивания, огораживания и т.д. [9. С. 168–169]. Как уже

стало понятно, ослабление финансовой базы РПЦ, отдельных приходов и священнослужителей было одной из целей начавшегося наступления на церковь, но оно стало и средством ограничения и снижения до минимума религиозной активности в стране. Наиболее существенным оказалось увеличение налога на свечное производство, что нанесло тяжелый финансовый урон РПЦ, о чем на приеме у председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова в феврале 1958 г. заявил Патриарх Алексей [10. Л. 26].

Другим направлением борьбы с церковью с конца 1950-х гг. стала политика ограничения численности профессионального духовенства. Это было связано еще и с тем, что по традиции приход и храм РПЦ не могли функционировать, если у них не было священника. Нередко поэтому в то время одним из поводов для снятия православной общины с регистрации было то, что в их храме долгое время не проводились богослужения ввиду отсутствия в нем настоятеля. Помимо, ставшей уже стабильной практики снятия с регистрации священников или отказа в регистрации тем, кто намеревался заниматься духовной деятельностью, власти стали работать на «перспективу», стремясь ограничить возможности для получения специального семинарского образования и, соответственно, последующего получения сана. Стали закрывать семинарии и духовные академии, которых тоже было немного в сравнении с досоветским временем – всего 8 по всей стране. Но даже такое их количество раздражало власти. С 1959 г. они решили довести численность образовательных учреждений РПЦ до минимума. В справке, подготовленной Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, отмечалось, что духовные школы окрепли материально и содержательно, активно готовят кадровое пополнение, что среди семинаристов есть представители рабочего класса, лица со средним и высшим образованием и даже бывшие комсомольцы. В связи с этим последовал ряд мер: сокращение набора в духовные учебные учреждения, уменьшение семинаристских стипендий, прекращение заочного обучения, запрет на прием в дузы лиц с высшим образованием, тех, кто не служил в армии, и тому подобное. В 1960 г. были закрыты семинарии в Киеве, Ставрополе, Саратове, в 1964 г. перестали действовать Минская и Волынская. К середине 1960-х гг. действовали только 3 семинарии РПЦ, количество семинаристов сократилось в 44 раза [11. С. 111].

Еще одним способом борьбы с религией и церковью партия и советское государство считали

работу по предотвращению распространения и сокращению религиозной обрядности. За годы советской власти были апробированы разные методы ликвидации церковных праздников и обрядов: запреты на некоторые из них, высмеивание и прямое преследование людей, их совершавших, интенсивное внедрение так называемой советской обрядности и др. Не забывали про такую работу и в рассматриваемый период, но именно тогда придумали совершенно новый способ ограничения обрядовой активности, ставший своеобразным апофеозом бюрократического вмешательства в церковную жизнь. В начале 1960-х гг. власти пришли к выводу, что в деле совершения треб и обрядов священники преследуют не столько чисто религиозные цели, сколько материально-корыстные. Дескать, священники понимали и подсчитали, чем больше обрядов они совершат, тем больше денег положат не только в церковную кассу, но и в собственный карман. Поэтому власти настояли на том, чтобы Патриархия перевела всех священников на «твердые оклады», т.е. чтобы получаемая священником заработная плата была фиксированной и не зависела от количества выполненных им треб. Считалось, что такой мерой, во-первых, ударят по материальному достатку духовенства, который находили слишком высоким, а, во-вторых, снизят их заинтересованность в совершении обрядов и таинств.

Одновременно с конкретными мероприятиями, направленными на ограничение церквей и религиозных организаций, государство вносило изменения в соответствующие законы и постановления, что было призвано сделать легитимным новое тотальное наступление на религиозные объединения. Во-первых, были отменены некоторые решения правительства, принятые в годы войны и облегчавшие тогда процедуру открытия церквей. Отменено было постановление СНК от 28.01. 1945 г., в котором речь шла о «Положении об управлении РПЦ». Внесены были изменения в постановление Совета Министров от 3 декабря 1946 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозного культа». Правительство сочло, что духовенство, особенно высшее, живет в nepазволительной роскоши. Во-вторых, было установлено, что во все церковные учреждения беспрепятственно должны допускаться должностные лица государственных органов к периодическому осмотру имущества и проверке расходно-приходной документации. В-третьих, началась активная работа местных властей по ограничению колокольного звона. Чтобы хоть как-то оправдать это, стали активно обсуждать идею о том, что в целях создания бла-

гоприятной обстановки для отдыха населения ведется всеобщая борьба с разного рода шумами, а звон церковных колоколов – это один из видов вредного для здоровья людей шума [12. Л. 11, 14–15].

В январе 1960 г. было принято очередное постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства о религиозных культах» [12. Л. 16]. Помимо того, что постановление уже в своем названии обозначило, кто является нарушителем закона о религиозных культах, так в нем еще содержался ряд практических указаний, как должно бороться и с нарушениями, и с нарушителями. В нем указывалось на необходимость пресечь «незаконную» практику строительства молитвенных домов, приобретения церквями автомобилей, дач, квартир и другого имущества; изжить благотворительную деятельность церкви, практику религиозной проповеди вне храма, сократить паломничество и продолжить работу по сокращению религиозной сети. К этому времени начиная с 1958 г. уже было снято с регистрации 1775 религиозных общин [12. Л. 17]. Обсуждая данное постановление, совет по делам РПЦ обратил внимание на то, что в церковных хорах на платной основе поет много неверующих, в том числе госслужащих. «Мы не можем мириться, – негодовал В. Куроедов, – чтобы наши кадры, получившие образование за счет государства, сотрудничали за «серебряники» с попами. С людьми, чуждыми нам по своей идеологии» [12. Л. 20]. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства о религиозных культах» была проанализирована также деятельность советов по делам РПЦ и по делам религиозных культов за 16 лет существования и дана им была не очень-то позитивная оценка. Было заявлено, что «главная ошибка Совета по делам православной церкви заключалась в том, что он непоследовательно проводил линию партии и государства в отношении церкви и скатывался зачастую на позиции обслуживания церковных организаций. Занимая защитнические позиции по отношению к церкви, Совет вел линию не на борьбу с нарушениями духовенством законодательства о культах, а на ограждение церковных интересов» [12. Л. 20].

В 1961 г. (16 марта) Совет Министров СССР принял постановление № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Постановление предписывало провести полный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании церковных органов [13. Л. 9]. К проведению

учета привлекался широкий круг государственных и общественных структур, начиная с ЦСУ и заканчивая комсомольско-профсоюзным активом. В зону внимания «учетчиков» попадали все религиозные объединения, как зарегистрированные, так и незарегистрированные, как разрешенных к существованию конфессий, так и запрещенных. Требовалось учесть все молитвенные помещения, как действовавшие, так и закрытые, как официально действовавшие, так и подпольные, вплоть до выявления всех мест проведения богослужбных собраний (квартиры, кладбища). В ходе учета скрупулезно фиксировались все предметы, предназначенные для отправления культа (иконы, облачения, покрывала, сосуды и др.), а также предметы обихода (люстры, ковры, мебель, хозяйственная утварь) [13. Л. 12]. В учетную карточку заносились транспортные средства, строения, мастерские, жилые дома и автомобили, являвшиеся личной собственностью служителей культа и других лиц, находившихся в руководстве религиозными обществами. Столь тщательный учет необходим был, во-первых, для того, чтобы можно было обвинить религиозные организации и духовенство в чрезмерном стремлении к материальному обогащению, а, во-вторых, при ликвидации религиозного общества практически все его имущество доставалось государству, так что тому был резон знать, чем оно могло «пожиться».

В апреле 1961 г. по инициативе Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР и под его давлением Собором архиереев было принято новое «Положение об управлении Русской православной церкви», которое пришло на смену аналогичному документу, утвержденному в 1945 г. Данное «Положение...» означало еще одну победу государства над церковью и было еще одним свидетельством ее униженного состояния. Достаточно сказать, что этот важнейший церковный документ, призванный регламентировать ее внутреннюю жизнь, устройство и управление, был практически полностью разработан в недрах Совета по делам РПЦ. Не случайно Совет считал его принятие своей важнейшей заслугой [12. Л. 13]. Навязывание епископату такого решения являлось частью государственного наступления на церковь, предпринятого партией и правительством в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Только теперь удар наносился не извне, а изнутри, руками Патриарха, Синода и Архиерейского Собора

Официальная позиция светских властей, которую представлял и озвучивал Совет, по поводу необходимости отмены прежнего и принятия нового «Положения об управлении РПЦ» заключа-

лась в том, что «Положение ...» 1945 г., принято было в достаточно специфических условиях и определенной спешке и потому, дескать, изначально некоторыми своими пунктами «явно» противоречило советскому законодательству о культах. В качестве примера такого несоответствия приводилось, что оно (Положение 1945 г.) предусматривало возможность служителю культа единолично управлять делами религиозного общества и распоряжаться его средствами и имуществом, в то время как Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и другими советскими законами право решения всех вопросов внутренней жизни религиозной общины принадлежало самим верующим. Власти доказывали, что новым документом об управлении РПЦ не только восстанавливалось советское законодательство о культах, но и демократическая форма самоуправления религиозного объединения, что якобы соответствовало общепринятой советской практике устройства и управления общественных организаций [14. Л. 94]. Так, председатель Совета по делам РПЦ В. Куроедов заявил Патриарху и нескольким митрополитам, бывшим у него на встрече, что, дескать, сами верующие «справедливо» недовольны сложившимся положением с управлением религиозной общиной», что «... в нашей подлинно демократической стране, в которой управление государством осуществляет народ, сохранившаяся в религиозных общинах диктатура власти одного лица недопустима» [13. Л. 13].

«Положение...» 1961 г. лишало священников руководства приходом, в частности, административной и финансово-экономической сторонами его жизни. Внесенное изменение, не существенное и не принципиально важное для постороннего взгляда, на самом деле формировало новую ситуацию не только в первичном звене православной церкви – общине, но и в целом влияло на нее как на социальный институт. Отныне священнослужители становились лицами, которых община мирян, в первую очередь в лице ее «двадцатки», нанимала для удовлетворения религиозных нужд, устанавливала оклад, как окажется впоследствии, довольно произвольно, могла отказать иному клирику в месте и т.д.

Таким образом, подвергалась существенному изменению вся система организации и управления в РПЦ по линии: патриархия (Патриарх) – епархия (епископ) – приходская община (настоятель). Поскольку община выпадала из сферы руководства настоятеля, то, соответственно, ослабевало влияние на нее со стороны епископа. Также значительно ослаблялась связь между мирянами и клирика-

ми, поскольку последние исключались из обсуждения и участия в разрешении хозяйственно-административных дел прихода. Отныне священник приходил в церковь, проводил службу и по окончании ее должен был отправляться домой. Приход же фактически оказывался под руководством гражданской власти, в первую очередь в лице уполномоченного, поскольку тот не только давал разрешения на проведение собраний общины, ремонта, покупку необходимых для церкви вещей, но и непосредственно влиял на формирование состава исполнительного органа общины, имел право на отводы тех или иных кандидатур [14. Л. 95].

Власти не просто навязали новое положение об управлении приходом, но яростно взялись проводить его в жизнь, в очередной раз продемонстрировав бесцеремонное вмешательство во внутренние дела религиозных органов. Одновременно с формированием нового состава «двадцаток», исполнительных органов осуществлялась, опять под контролем уполномоченных, передача руководства финансово-хозяйственной деятельностью от настоятелей к исполнительным органам, состав которых был полностью подотчетен местным властям. Были составлены все документы на передачу имущества церкви, переоформлены штампы и печати, денежные средства общин были переведены из сберкасс в государственные банки [15. Л. 110]. Многочисленные архивные данные подтверждают, что в члены церковных «двадцаток» уполномоченные старались подбирать тех, кто хотя бы был послушен и неинициативен. В руководители церковных советов также проводились те, кто им был нужен.

Итак, положение Русской православной церкви в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. вновь оказалось весьма сложным. Государство предприняло против нее ряд мер, существенно ограничив возможности ее жизнедеятельности. Произошло новое масштабное сокращение числа православных храмов, монастырей, учебных заведений. Далеко от канонической традиции оказалась система организации и управления церковью. Проводилась активная антирелигиозная и антицерковная пропаганда. В таких условиях РПЦ не смогла оказывать новому натиску властей сколько-нибудь серьезного сопротивления. Ресурс ее противостояния советскому государству был уже давно исчерпан, а опыт приспособления к жизнедеятельности в советских условиях давно отлажен, тем более, что на сей раз не было физических репрессий против священства и верующих, не трогали ни руководство Патриархии, ни местный епи-

скопат. Правда, Патриарх Алексей попытался озвучить Совету по делам РПЦ свое недоумение по поводу столь масштабных и разнообразных ударов по вверенной ему церкви, но эти вопросы остались без ответа. Были проявления недовольства политикой, развернувшейся в 1950–1960-е гг., и в среде церковной общественности, но они не переросли в массовые.

Надо отметить, что в рассматриваемый период и рядовые верующие более активно реагировали на новую политику по отношению к церкви. На сей раз властям с большим трудом удавалось объяснять им, почему их храм закрывается, а община распускается. В большинстве случаев прихожане пытались хоть как-то противодействовать ликвидации действовавших церквей: устраивали дежурство у намечавшихся к закрытию молитвенных зданий, требовали объяснений и писали «бесконечные» жалобы в разные инстанции, требуя найти управу на местные власти, которые, по их мнению, и были главными зачинщиками наступления на церковь. Писем и заявлений было столько, что в августе 1964 г. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР был вынужден отреагировать на данную ситуацию. Им было принято постановление «О работе по рассмотрению жалоб верующих». В нем отмечалось, что поток жалоб на незаконное закрытие церквей и административное вмешательство во внутренние дела приходов, дискриминацию верующих постоянно нарастал. При этом письма шли в высшие партийные и государственные органы, другие центральные учреждения, редакции газет и журналов [16. Л. 171]. Совет по делам РПЦ был вынужден признать, что большинство жалоб вполне справедливы, а дальше всю ответственность переложил на уполномоченных Совета и местные администрации. Причем ответственность не за собственно незаконные закрытия храмов, а за то, что пренебрежительно относятся к жалобам верующих, потому те и вынуждены были обращаться выше. Было предложено внимательнее реагировать на обращения, находить подходящие объяснения, но не было ни одного намека на то, что надо бы вновь открыть церкви [16]. И действительно, несмотря на имевшееся недовольство и представителей духовенства, и мирян, ни один православный храм, закрытый в период с конца 1950-х гг., так и не возобновил своей работы

ЛИТЕРАТУРА

1. *О религии и церкви*. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и советского государства. М.: Политиздат, 1981. 176 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1842.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2650.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 117. Д. 946, 110.
5. Панков Г. О политике советского государства в отношении Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия. М.: Прогресс, 1993.
6. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 47.
7. ЦХАФАК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 199.
8. Гордун С. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской патриархии. 1993. № 1.
9. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 408 с.
10. ГАРФ. Ф. 6691. Оп. 2. Д. 254.
11. Сосковец Л.И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 252 с.
12. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1842.
13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 308.
14. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 348 с.
15. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 964. Оп. 2. Д. 42.
16. ЦХАФАК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 67.